Судьбу журнала «Вопросы экономики» решает правовой нигилизм правоприменителя

Луценко Сергей Иванович — ведущий эксперт Контрольного управления Президента Российской Федерации.

УДК 342

Автор осуществляет правовой анализ решения судебного органа в отношении судьбы журнала «Вопросы экономики». В частности, в основу анализа положен критерий «верховенства права» и пределы судебной дискреции. Автор приходит к выводу, что правоприменитель, проявив правовой нигилизм, вынес неправомерный судебный акт. Судебное решение фактически нарушает принцип равенства и согласования воли сторон. Кроме того, правоприменитель совершил произвольное вмешательство в хозяйственную деятельность участников.

Автор надеется, что представленная работа станет подспорьем для федерального законодателя в отношении конституирования истинного статуса Российской академии наук как юридического лица публичного права с функциями органа государственного управления, поскольку статус РАН определяет элемент научно-технологического суверенитета государства и является составляющей национальной безопасности.

Ключевые слова

Воля, свобода договора, дискреция, единство судебной практики, верховенство права, Гражданский кодекс.

Журнал «Вопросы экономики» является ведущим в России теоретическим и научно-практическим изданием общеэкономического содержания. У читательской аудитории журнала (в том числе у экспертного сообщества) сложилась тесная корреляция более чем 85-летней истории журнала с Институтом экономики РАН, а не с созданным в 1999 г. некоммерческим партнерством. Журнал «Вопросы экономики» изначально был создан в системе Академии наук, и именно Институтом экономики.

К сожалению, ситуация вокруг такого авторитетного академического издания является оборотной стороной реформирования Российской академии наук.

Необходимо пояснить, что после вступления в силу Федерального закона от 27 сентября 2013 г. № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Российская академия наук как уникальная система фактически утратила научно-технологический суверенитет. Следует отметить, что данная ситуация противоречит Конституции РФ (в том числе п. «д» ст. 71, подп. «г» п. 1 ст. 114) и п. 1 ст. 214 Гражданского кодекса РФ, поскольку Правительству РФ (в лице Федерального агентства научных организаций) были переданы не только управленческая дискреция имуществом, но и «полномочия собственника федерального имущества РАН».

Другими словами, вместо придания РАН статуса самостоятельного органа управления, который был бы подотчетен Президенту, Председателю Правительства и парламенту Российской Федерации в отношении своей деятельности, кадровый, имущественный и финансовый потенциал был сфокусирован в недрах ФАНО.

В российских реалиях имеет место наслаивание административно-правового регулирования науки на проблемы внутри самой российской науки. Отсутствуют четкие ориентиры в сфере научной деятельности, как следствие отсутствует и четкая система административно-правового регулирования данного вида деятельности. Более того, минимизация имущественной самостоятельности научных учреждений (передача управленческих и имущественных полномочий ФАНО) вряд ли является эффективным административным решением.

Фактически статус РАН был девальвирован. Правовой статус должен был быть определен как уникальный с элементом научно-технологического суверенитета (конституционно-публичной функции), поскольку деятельность РАН осуществляется на основе сочетания государственного регулирования научной, научно-технической и инновационной деятельности с творческой инициативой научных коллективов, свободой научного поиска в целях эффективного выполнения задач, стоящих перед Академией наук.

В настоящее время у РАН изъяты правотворческие и регулятивные полномочия. В итоге оценка результатов научной деятельности строится на принципах быстрой отдачи прибыли, закупка оборудования происходит по принципу наименьших затрат, налогообложение научной деятельности приравнивается к налогообложению хозяйственной деятельности, на пути внедрения научных результатов стоит множество административных барьеров и т.д.

В результате стали происходить тектонические сдвиги в отдельных учреждениях РАН, в частности имело место изъятие научного издания (журнала «Вопросы экономики») у Института экономики РАН с незаконной легализацией со стороны участников в суде. Институт экономики РАН фактически утратил свое главное научное издание — журнал «Вопросы экономики», поскольку руководитель института лишается права осуществлять научно-методическое руководство, а также предлагать кандидатуру главного редактора.

Судебные пляски вокруг журнала «Вопросы экономики»

В предлагаемой статье автор проводит анализ судебного акта[1] на предмет нарушения конституционно-правового смысла свободы договора посредством проявления правового нигилизма — игнорирования принципов равенства и согласования воли сторон. Кроме того, правоприменитель позволил себе выйти за пределы судебного контроля, проверив экономическую целесообразность решения, принимаемого субъектами экономической деятельности, которые в сфере бизнеса обладают самостоятельностью и широкой дискрецией.

Спор возник между учредителями журнала «Вопросы экономики» — Институтом экономики РАН (в настоящее время —

Независимость суда сама по себе не предполагает бесконтрольности и безответственности.

федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики РАН) и некоммерческим партнерством

«Редакция журнала «Вопросы экономики» (далее — НП «Вопросы экономики»), которые заключили договор 18 июля 1998 г. Предметом данного договора является издание журнала „Вопросы экономики“» с целью развития и популяризации экономической науки в России, публикации материалов по экономической теории, проблемам системной трансформации в России, социально-экономической политики в различных ее аспектах, освещения передового зарубежного опыта.

Пунктом 1 договора предусмотрено осуществление институтом общего научно-методического руководства журналом, которое непосредственно реализуется главным редактором. Согласно п. 2 договора, главный редактор избирается трудовым коллективом редакции из кандидатур, предложенных институтом, и выполняет определенные функции, указанные в договоре.

По состоянию на 25 мая 2011 г. Институт экономики РАН (истец) рекомендовал на должность главного редактора журнала своего кандидата, о чем НП «Вопросы экономики» (ответчик) было уведомлено. В дальнейшем, 29 июля 2011 г. ответчик отказался избрать главного редактора из числа кандидатур, предложенных истцом, и назначил временно исполняющим обязанности главного редактора своего участника.

Институт экономики РАН посчитал, что данными действиями НП «Вопросы экономики» существенно нарушило условия договора, лишив тем самым истца возможности исполнять свои полномочия по договору, а именно осуществлять общее научно-методическое руководство журналом «Вопросы экономики», непосредственно реализуемое главным редактором. Истец предложил ответчику изменить условия договора путем заключения дополнительного соглашения. НП «Вопросы экономики» отказалось изменять условия договора. Институт экономики РАН инициировал процедуру судопроизводства.

Решением Арбитражного суда города Москвы от 18 февраля 2013 г. в удовлетворении иска было отказано.

Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 июля 2013 г. решение Арбитражного суда города Москвы от 18 февраля 2013 г. было отменено, иск удовлетворен: условия договора изменены в редакции дополнительного соглашения, представленного Институтом экономики РАН.

Постановлением ФАС Московского округа от 19 февраля 2014 г. № Ф05-16672/2013 по делу № А40-109562/12-131-253 постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 июля 2013 г. и решение Арбитражного суда города Москвы от 18 февраля 2013 г. были отменены, в удовлетворении иска отказано.

Правовой нигилизм правоприменителя

Обратимся к правовому анализу нарушений норм материального права (свободы договора с учетом принципов равенства и согласования воли сторон) и процессуального права (нарушения единства судебной практики) со стороны Арбитражного суда Московского округа[1].

Сразу необходимо оговориться, что автор не ставит своей целью вмешательство в судопроизводство. *Однако независимость суда сама по себе не предполагает бесконтрольности и безответственности*[2]. При вынесении своего решения Арбитражный суд Московского округа (председательствующий — федеральный судья И.В. Чалбышева) акцентировал внимание на цели, которую преследовали стороны при заключении до-

говора, без учета согласования воли сторон.

Согласно правовой позиции, выраженной Конституционным судом РФ в своих постановлениях от 6 июня 1995 г. № 7-П и от 13 июня 1996 г. № 14-П, суды при рассмотрении дела обязаны исследовать по существу его фактические обстоятельства и не должны ограничиваться только установлением формальных условий применения нормы; иное приводило бы к тому, что право на судебную защиту, закрепленное ст. 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, оказывалось бы существенно ущемленным. Так, в силу ст. 71 АПК РФ арбитражный суд оценивает имеющиеся доказательства (на предмет относимости, допустимости, достоверности каждого доказательства, а также достаточности и взаимной связи доказательств в их совокупности) по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном

Вопросы экономики
www.vopreco.ru

и непосредственном их исследовании. Кроме того, недопустимо, чтобы правоприменитель выходил за рамки своей компетенции и, подменяя законодателя, вводил новое основание в отношении ст. 431 Гражданского кодекса РФ, определяя цель договора без учета согласования воли сторон, которое к тому же в силу неопределенности самой формулировки вряд ли может быть применено на практике.

Предоставление суду полномочий по оценке имеющихся в деле доказательств и отражению ее результатов в судебном решении вытекает из принципа самостоятельности судебной власти и является одним из проявлений дискреционных полномочий суда, необходимых для осуществления правосудия, что вместе с тем не предполагает возможности оценки судом доказательств произвольно и в противоречии с законом. В арбитражном судопроизводстве гарантией процессуальных прав лиц, участвующих в деле, являются установленные Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации процедуры проверки судебных актов вышестоящими арбитражными судами и основания для их отмены или изменения[3].

Свобода договора в ее конституционно-правовом смысле предполагает соблюдение принципов равенства и согласования воли сторон. Следовательно, регулируемые гражданским законодательством договорные обязательства должны быть основаны на равенстве сторон, автономии их воли и имущественной самостоятельности, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела. Субъекты гражданского права свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора[4].

Самостоятельность и независимость участников гражданского оборота по общему правилу исключают возникновение между ними каких-либо правоотношений помимо их согласованной общей воли (по воле только одного из них или по указанию органа публичной власти). Именно толкование договора посредством волеизъявления сторон является истинным критерием выявления замысла (цели) участников договорных отношений[5].

Толкование судом условий договора должно осуществляться в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия (*contra proferentem*). В нашем случае в договоре, согласно п. 2 договора, главный редактор избирается трудовым коллективом редакции из кандидатур, предложенных Институтом экономики РАН (истцом). Однако Арбитражным судом Московского округа не были исследованы обстоятельства — кем из сторон была предложена формулировка соответствующего условия договора[6].

Первоначально проект договора был предложен Институтом и подписан НП «Вопросы экономики» без каких-либо разногласий, законность пунктов договора не оспаривалась (в частности, п. 2, что главный редактор избирается трудовым коллективом редакции из кандидатур, предложенных институтом, и выполняет определенные функции, указанные в договоре). Из разъяснений, данных в постановлении Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» (п. 11): при разрешении споров, возникающих из договоров, в случае неясности условий договора и невозможности установить действительную общую волю сторон с учетом цели договора (ст. 431 Гражданского кодекса РФ), толкование судом условий договора должно осуществляться в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия. В данном случае договор был заключен по форме, предложенной Институтом экономики РАН. Необходимо в первую очередь учитывать именно позицию института[7].

Задача арбитражного суда в толковании воли — это установление истинного значения и смысла условий договора через толкование изъявления этой воли, по-

скольку только волеизъявление дает правильную оценку воли[8].

В совместном особом мнении судей Европейского суда по правам человека Зекиа, Кремона и других по делу «Спорронг и Лоннрот против Швеции» от 23 сентября 1982 г. также прослеживается тенденция трактовки сделки с помощью волеизъявления сторон (сторонам предоставляется определенная степень свободы), иначе ограничения в отношении совершения сделки становятся равносильными лишению собственности.

при оценке целеполагания сторон является истинное определение направленности воли[9].

В соответствии со ст. 153 ГК РФ сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Из приведенного определения сделки и норм Гражданского кодекса, закрепляющих основание и цели сделки, следует, что сделка — это волевое правомерное юридическое дей-

ра она должна определяться на момент заключения договора, а не на момент его толкования, в связи с этим анализируются все соответствующие обстоятельства, в том числе и последующее поведение сторон[12].

На момент заключения воля сторон была определена — главный редактор избирается трудовым коллективом редакции из кандидатур, предложенных Институтом экономики РАН. Однако Арбитражным судом Московского округа данный аспект проигнорирован.

Арбитражный суд Московского округа[1] руководствовался целеполаганием сторон без привязки к их воле. Причем воля сторон была четко отражена в договоре (п. 1 договора предусмотрено осуществление институтом общего научно-методического руководства журналом, которое непосредственно реализуется главным редактором; согласно п. 2 договора, главный редактор избирается трудовым коллективом редакции из кандидатур, предложенных институтом, и выполняет определенные функции, указанные в договоре).

Высший арбитражный суд РФ отметил, что приоритетом

ствие субъектов (участников) гражданских правоотношений. Направленность воли лица при совершении сделки на достижение определенного правового результата отличает сделку от юридического поступка, совершение которого влечет наступление правовых последствий независимо от направленности воли лица на достижение такого результата, а также от неправомерных действий. *Суд должен рассмотреть обстоятельства через призму выполнения одновременно двух условий: и цели, и воли*[10, 11].

В свою очередь при выяснении действительной общей воли сторон с учетом цели догово-

Конституционный суд РФ четко сформулировал позицию вокруг легитимности и правомерности сделки. При толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений; буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом. Если правила не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора (в данном случае ФАС Московского округа не была учтена воля института, которая была определена в договоре — главный

Игнорируя нормы гражданского права (определение цели договора без учета истинности воли сторон), спор, по сути, превратился в формализм без применения правовых норм, что является недопустимым.

редактор избирается трудовым коллективом редакции из кандидатур, предложенных Институтом экономики РАН; при этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи делового оборота, последующее поведение сторон в части слов «при этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи делового оборота, последующее поведение сторон»[13, 14].

Парадоксально, но практика самого Арбитражного суда Московского округа складывается так, что рассмотрение дела судами без учета положений ст. 431 Гражданского кодекса Российской Федерации, указывающих на необходимость выяснения действительной общей воли сторон с учетом цели договора, и при отсутствии толкований условий договора в их совокупности делает судебные акты незаконными и необоснованными[15, 16].

Игнорируя нормы гражданского права (определение цели договора без учета истинности воли сторон), спор, по сути, превратился в формализм без применения правовых норм, что является недопустимым[17].

В особенности хотелось бы обратить внимание на вмешательство судебного органа (выход за пределы судебной дискреции) в хозяйственную деятельность участников судебного процесса.

Судебный орган фактически реализовал проверку договора на предмет экономической целесообразности, определение целеполагания сделки без учета согласования воли сторон.

По смыслу правовой позиции Конституционного суда Российской Федерации судебный контроль не призван проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых субъектами экономической деятельности, которые в сфере бизнеса обладают самостоятельностью и широкой дискрецией, поскольку в силу рискового характера такой деятельности существуют объективные пределы в возможностях судов выявлять наличие в ней деловых просчетов[18].

В ином случае предоставление суду неограниченных полномочий (предоставление суду правовой дискреции) противоречило бы верховенству права. Суд должен использовать свои полномочия с целью обеспечения лицу адекватной защиты от произвольного вмешательства[19, 20].

Договор как правовой акт представляет собой согласованную волю сторон и не может выражать волю правоприменителя (подменять или замещать волю сторон).

Арбитражный суд Московского округа, вынося судебный акт, нарушил принцип стабильности гражданских правоотношений. Его непоследовательный подход (противоречия с решениями высших судов правоприменительной практики, которая сложилась в Московском округе) вызывает у участника судебного процесса (Института экономики РАН) состояние неопределенности, лишая его права на справедливое судебное разбирательство[21].

Более того, судебным органом в постановлении ФАС Московского округа от 19 февраля 2014 г. № Ф05-16672/2013 по делу № А40-109562/12-131-253 не было приведено каких-либо фактов или доводов, которые бы заставили его отклониться от прецедентной практики (высших судов) в настоящем деле. Тем самым были нарушены принцип «верховенства права» и право Института экономики РАН на «доступ к правосудию»[22].

Последствия нарушения судом основополагающего принципа «верховенство права»

Функция судов вышестоящих инстанций состоит в разрешении противоречий в национальной прецедентной практике, а не в усугублении «глубоких противоречий»[23]. Целью суда кассационной инстанции является недопущение нарушения единства судебной практики[24].

Подобного рода судебные решения открывают доступ недобросовестным участникам, то есть фактически легализуют процедуру «рейдерского захвата» в виде контроля над активами, наделяя недобросовестного участника правовыми средствами[25].

В особенности хотелось бы обратить внимание на последствия (ответственность) в отношении правоприменителя при вынесении такого рода решений.

Несоблюдение судьей предъявляемых к нему требований, выражающееся в нарушении норм

Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» и положений Кодекса судейской этики, общепринятых норм морали, обязанностей при отправлении правосудия, правил поведения при исполнении иных служебных обязанностей и во внеслужебной деятельности, по смыслу п. 1 ст. 12.1 данного Закона, признается дисциплинарным проступком, влекущим дисциплинарную ответственность судьи в виде предупреждения или досрочного прекращения его полномочий.

Учитывая опыт судьи[26], а также неправомерный характер ее действий (грубое нарушение норм материального и процессуального права РФ), их осознанность и желание наступления неправосудных результатов[27, 28], рассмотрение дела было необъективным и нарушило сложившуюся судебную практику. Данные действия со стороны судьи нарушают нормы процессуального закона и правила судейской этики, они являются грубыми, преднамеренными, тем самым подрывают авторитет судебной власти, порочат честь и достоинство судьи. Допущенные судьей нарушения в виде необъективного и некачественного рассмотрения дела и нарушения судебной практики могут квалифицироваться как дисциплинарный проступок[29].

Правовой нигилизм, который был проявлен судебным органом (игнорирование норм гражданского права, правовых позиций высших судов, практики, сложившейся в регионе), а также подмена дискреции правоприменителя дискрецией законодателя лишают стороны возможности доступа к справедливому судебному разбирательству и подрывают принцип «верховенства права». Кроме того, своими неправомерными действиями судебный орган может нанести ущерб фундаментальной академической науке, передавая полномочия (научно-методическое руководство журналом «Вопросы экономики») лицам, которые могут не обладать соответствующими навыками и знаниями.

Политика в отношении РАН будет иметь следствием такие негативные тенденции, как незаконное изъятие научных изданий с добрым именем у академических учреждений.

* * *

В заключение хотелось бы отметить, что реорганизация Российской академии наук повлекла фактически утрату научно-технологического суверенитета национальной науки. В свое время в пояснительной записке к законопроекту о реорганизации РАН было отмечено, что академической науке мешает управление финансовыми потоками и имущественным комплексом. В связи с этим на законодательном уровне у РАН были изъяты правотворческие и регулятивные полномочия. Теперь результаты научной деятельности строятся на принципах быстрой отдачи прибыли. Хотя, как показывает не только советская практика, но и практика ряда европейских государств, статус национальной академии наук определен как симбиоз организации с управленческой дискрецией и публично-правовым образованием. Ситуация, которая возникла вокруг журнала «Вопросы экономики», является органичной в контексте преобразований РАН.

В данном случае периодическое издание «Вопросы экономики», чья цель — развитие и популяризация экономической науки в России (прежде всего академической науки с использованием кадрового потенциала Института экономики РАН), перешел некоммерческому партнерству «Редакция журнала „Вопросы экономики“», которое не является структурой РАН, а представляет собой юридическую конструкцию, созданную на базе трудового коллектива.

Можно провести некую аналогию: на макроуровне произошел переход ресурсов РАН организации ФАНО, а на микроуровне — журнал «Вопросы экономики», создателем которого являлся Институт экономики, перешел под кураторство некоммерческого партнерства. Другими словами, политика в отношении РАН будет иметь следствием такие негативные тенденции, как незаконное изъятие научных изданий с добрым именем у академических учреждений. ЭС

ПЭС 15169 / 28.12.2015

Примечания

1. Постановление ФАС Московского округа от 19 февраля 2014 г. № Ф05-16672/2013 по делу № А40-109562/12-131-253.
2. Решение Верховного суда РФ от 4 сентября 2014 г. № ДК14-4.

3. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 18 января 2011 г. № 8-О-П.

4. Постановление Конституционного суда РФ от 1 апреля 2003 г. № 4-П.

5. Постановления Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 25 ноября 2003 г. № 11884/02; от 2 апреля 2013 г. № 15945/12.

6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 января 2015 г. № Ф04-14496/2014 по делу № А45-9287/2014.

7. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 9 октября 2015 г. № 09АП-40624/2015 по делу № А40-87003/2015.

8. Постановление ЕСПЧ по делу «Фадеева против Российской Федерации» от 9 июня 2005 г., параграф 147.

9. Постановление Президиума ВАС РФ от 8 июля 2008 г. № 1204/07 по делу № А65-25039/2005-СГ4-26.

10. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 3 августа 2009 г. № 05АП-1658/09 по делу № А51-8283/2008-13-176.

11. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 8 мая 2009 г. по делу № А78-5561/2008.

12. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 6 марта 2014 г. по делу № А27-2967/2013.

13. Определение Конституционного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 1448-О.

14. Определение Конституционного суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 441-О.

15. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 октября 2014 г. № Ф05-9068/14 по делу № А40-7176/14.

16. Постановление ФАС Московского округа от 16 марта 2006 г. № КГ-А40/981-06-П по делу № А40-3834/045-63-50.

17. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 сентября 2014 г. № 09АП-34947/2014-ГК по делу № А40-20749/2014, определением ВС РФ от 17 апреля 2015 г. № 305-ЭС15-2652 отказано в передаче дела № А40-20749/2014 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления.

18. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 24 февраля 2004 г. № 3-П.

19. Постановление ЕСПЧ по делу «Быков против Российской Федерации» от 10 марта 2009 г.

20. Постановление ЕСПЧ по делу «Власов против Российской Федерации» от 12 июня 2008 г.

21. Постановление Европейского суда по правам человека от 2 ноября 2010 г. по делу «Штефэницэ и другие против Румынии».

22. Постановление Европейского суда по правам человека от 29 марта 2007 г. по делу «Арчишникова против Российской Федерации».

23. Постановление ЕСПЧ от 2 июля 2009 г. «Иордан Иорданов и другие против Болгарии».

24. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 30 декабря 2009 г. № 56пв09.

25. Приказ Росимущества от 21 ноября 2013 г. № 357.

26. Указ Президента РФ от 14 июля 1997 г. № 721 — об избрании ее впервые судьей арбитражного суда.

27. Кассационное определение Верховного суда РФ от 6 февраля 2007 г. № 89-о07-1.

28. Определение Верховного суда РФ от 29 апреля 2003 г. № КАС03-138.

29. Определение Верховного суда РФ от 5 июля 2006 г. № 14-Г06-10.

The Fate of the Journal “Issues of Economics” is Defined by the Legal Nihilism of Law Enforcer

Lutsenko Sergey Ivanovich
Control Directorate of the President of the Russian Federation

The author exercises a legal analysis of a judicial authority decision in respect of the journal “Issues of Economics”. In particular, the analysis is based on the “rule of law” criterion and the limits of judicial discretion. The author concludes that the law enforcer, showing legal nihilism, has issued illegal judicial act. The court decision actually violates the principle of equality and coordination of the parties’ wills. In addition, the law enforcers has committed arbitrary interference in the economic activities of participants.
The author hopes that the paper will help a federal legislator in respect of constituting the true status of the Russian Academy of Sciences as a legal entity of public law with the functions of public administration since the status of the RAS constitutes an element of scientific and technological sovereignty of the state and is a component of national security.

Keywords: the will, contractual freedom, discretion, unity of jurisprudence, the rule of law, the Civil Code.